

18. Колосовская Ю. К. Муниципализация рудничного округа в Дакии//ВДИ. — 1987.— № 4.
19. Вестерман В. Рабство в Римской империи//Валлон А. История рабства в античном мире. — М., 1941.
20. *Daicovicium* C. Les «Castella Dalmatarum» de Dacie//Dacia.— 1958.— Т. 2.
21. Gostar N. Vămile Daciei//SCIV.— 1953.— № 4.
22. Колосовская Ю. К. Римский наместник и его роль во внешнеполитической истории Дакии//ВДИ. — 1988. — № 4.
23. Weaver P. R. C. Familia Caesaris. A Social Study of the Emperor's Freedmen and Slaves.— Cambridge, 1972.
24. *Inscriptiile Daciei Romane*/Ad. I. I. Russu.— București, 1977.— Vol. 3. — P. 1.
25. Колосовская Ю. К. Римский провинциальный город, его идеология и культура //Культура Древнего Рима/ Отв. ред. Е. С. Голубцова.— М., 1985.— Т. 2.
26. Tudor D. Le organizzazioni degli Augustales in Dacia//Dacia.— 1962.— Т. 6.

И. П. Сергеев

Всадничество в политической жизни Римской империи периода кризиса III века

ри анализе событий политической жизни Римской империи в период кризиса III века исследователи долгое время игнорировали вопрос о роли в ней всаднического сословия, сосредотачивая свое внимание на позиции сенаторов и представителей армейских кругов.

В последние десятилетия в антиковедении появились публикации, авторы которых подчеркивают значение всадников в политической истории империи на всем протяжении III века н. э., определяя его как «великое время сословия римских всадников» («die große Zeit des römischen Ritterstandes») [1, S. 140]. Однако при этом не все они в достаточной степени выясняют вопрос о причинах и предпосылках возрастания политической роли римского всадничества в рассматриваемый период.

Действительно, в III веке н. э. все более усиливается роль всадников в командовании войсками и в управлении провинциями Римской империи.

В I—II вв. н. э. всадники занимали посты среднего офицерского состава римской армии. Со времен правления Септимия Севера всадники получили доступ к должности легата легиона.* При этом же императоре возросло число провинций, во главе управления которых стояли представители всаднического сословия.

По мнению Г. Альфельди [1, S. 140], эти действия Септимия Севера следует объяснять тем, что данный император в большей степени доверял всадникам, чем сенаторам. Но, на наш взгляд, здесь сыграли свою роль другие обстоятельства.

Во главе образованной им провинции Месопотамии Септимий Север поставил всадника потому, что эта провинция граничила с агрессивной Парфией и для государства

* Как известно, в качестве исключения всадники со времен императора Августа командовали легионами Египта. Но это было связано не с тем, что всадники лучше справлялись с обязанностями командира легиона, а с боязнью Августа перед возможностью захвата Египта представителем сенаторского сословия, что могло вызвать перебои в снабжении Рима и Италии египетским хлебом и недовольство римских граждан правящим императором.

было бы лучше, если бы ее возглавлял имевший значительный опыт командования войсками наместник-всадник, а не «полководец-любитель» из сенаторов.

Естественно, что наместнику из всадников должны были подчиняться и всадники — командиры легионов этой провинции (I и III Парфянских, образованных Септимием Севером для размещения именно в этой новой провинции).

Поскольку третий из созданных этим же императором легионов, II Парфянский, размещался на территории Италии и его командир должен был подчиняться всаднику — префекту претория [6, р. 22], то и во главе этого легиона был поставлен всадник.

При императоре Галлиене (260–268 гг. н. э.) произошла полная замена сенаторов всадниками на командных постах римских вооруженных сил. Галлиен отстранил сенаторов от командования легионами. Как видно из надписей, во главе легионов теперь находятся всадники с титулом *praefecti legionis agentes vice legati* (префекты легиона, действующие вместо легатов) [3, р. 187].

На протяжении первой половины III в. н. э. всадники занимали должности наместников в ряде «старых» провинций, но официально считались временно действующими «вместо» наместников-сенаторов.

В правление императора Галлиена всадники вытеснили сенаторов и с должности наместника в подавляющем большинстве провинций. С 262 г. н. э. управление римскими провинциями и командование размещенными в них войсками перешло, за немногими исключениями, от сенаторов к всадникам, которые при этом не возводились в ранг сенаторов и имели титул *agentes vice praesidis* (действующие вместо презида) [1, S. 139]. (*Подробнее об этом см.:* [2, с. 89–94].)

Некоторые современные историки считают, что смена сенаторов всадниками в армии и на постах наместников провинций была осуществлена специальным эдиктом императора. Другие утверждают, что никакого специального эдикта Галлиен в связи с этим не издавал [5, р. 34–35]. К концу III в. н. э. почти во всех провинциях всадники заменили сенаторов на должностях наместников.

В период кризиса III века всадники во все большей степени составляли ближайшее окружение императоров, оказывали значительное влияние на характер их правления и даже становились правителями империи.

Со времен правления Септимия Севера произошло усиление роли всадников в императорском совете (*consilium principis*) [9, р. 73]. Правда, при Александре Севере в ближайшем окружении императора снова стали преобладать сенаторы, но в дальнейшем всадники постепенно вернули свои позиции.

Первым правителем империи, не принадлежавшим к сословию сенаторов, занимая всадническую должность префекта преторианской гвардии, стал Макрин (217–218 гг. н. э.).

В 235 г. н. э. был провозглашен императором и в течение трех лет управлял Римской империей Максимин Фракиец, уроженец пограничной области на Нижнем Дунае, простой солдат, благодаря службе в армии ставший офицером и попавший в состав всаднического сословия. Как пишет Евтропий, он «...первым из числа римских солдат пришел к власти по воле одних воинов, не принимая во внимание авторитет сената и не будучи сам из числа сенаторов» (*«Maximinus ex corpore militari primus ad imperium accessit, sola militum voluntate, cum nulla senatus intercessisset auctoritas, neque ipse senator esset»* (Eutrop. IX, 1)).

При вступившем на престол еще в юном возрасте императоре Гордиане III к 241 г. н. э. фактическим правителем империи стал Тимеситей (С. Furius Sabinius Aquila Timesitheus). Это был всадник из одной из провинций римского Востока (возможно, из Сирии или Аравии). Будучи с конца 240 или начала 241 г. н. э. единственным префектом претория и (не позже 12 мая 241 г. н. э.) [10, р. 737–738] тестем 16-летнего Гордиана III, он начал руководить действиями императора, отстранять от важных гражданских и военных постов сенаторов и заменять их всадниками [4, S. 220].

К числу фаворитов Тимеситея принадлежали братья М. Юлий Филипп (M. Iulius Philippus) и Г. Юлий Прииск (С. Iulius Priscus). В первые годы правления Гордиана III они уже занимали важные всаднические должности. Юлий Прииск в 242–243 гг. н. э.

был префектом провинции Месопотамии, а с 243 г. н. э. — преторианским префектом. (Карьера этого всадника нашла отражение в дошедших до нас надписях (см.: СІІ, III, 14149; VI, 1638).) О том, какие должности занимал Юлий Филипп до 243 г. н. э., нам ничего не известно, однако его близость к Тимеситею позволяет предполагать, что это были какие-то важные всаднические должности. После смерти своего тестя в середине 243 г. н. э. Гордиан III назначил и Юлиа Филиппа на должность префекта претория и попал под влияние обоих братьев [4, S. 220; 6, p. 78–80; 7, p. 447–448].

В начале 244 г. н. э. во время похода против персов при не совсем ясных обстоятельствах император Гордиан III погиб. Юлий Филипп сменил его на императорском престоле, а Юлий Приск остался в должности префекта претория и получил от своего брата чрезвычайные полномочия в качестве «правителя Востока» (*rector Orientis*) [4, S. 220; 6, p. 80; 10, p. 770–774]. Таким образом Юлий Филипп (вошедший в историю под именем Филиппа Араба) стал третьим, после Макрина и Максимиана Фракийца, римским императором, не принадлежавшим на момент занятия престола к сословию сенаторов.

Во второй половине III в. н. э. императорский престол занимали выходцы из всаднического сословия Клавдий II Готский, Домитий Аврелиан, Аврелий Проб, Аврелий Кар.

При выяснении причин изменения политической роли римского всадничества в рассматриваемый период следует отметить увеличение удельного веса всадников в обществе империи и изменение характера этого сословия по источникам пополнения его рядов.

У нас нет статистических данных о численности всаднического сословия в III в. н. э. Но с большой степенью уверенности можно утверждать, что именно в это столетие число римских всадников резко возросло. Как известно, для принадлежности к данному сословию от свободнорожденного жителя Римской империи требовалось обладание правами римского гражданина и имуществом в 400 тыс. сестерциев. Поскольку эдикт императора Каракаллы 212 г. н. э. даровал права римских граждан почти всем свободным жителям империи, многие достаточно богатые бывшие перекристы с этих порполнили ряды римского всадничества. Следовательно, мы можем говорить не только о возрастании численного состава, но и о «провинциализации» в III в. н. э. всаднического сословия.

Важным источником пополнения рядов римских всадников в рассматриваемый период становится армия. В правление Септимия Севера должность центуриона перестала быть вершиной военной карьеры рядовых легионеров и превратилась для них в ступеньку на пути к тем военным постам, которые раньше были доступны только представителям всаднического сословия [8, p. 494]. Со времен Септимия Севера легче и чаще, чем в прежние времена, в число римских всадников стали попадать не только центурионы, но и *principales* (простые легионеры, освобожденные от обычной службы и выполнявшие специальные, обычно управленческие, задания). Как сообщает Геродиан (VIII, 5), Септимий Север разрешил центурионам и принципалам носить золотое кольцо, бывшее до этого символом принадлежности к всадническому сословию. Это свидетельствовало о том, что получившие данное право рассматривались как потенциальные всадники. При этом, по наблюдениям Г. Альфельди, у представителей армейских кругов принадлежность к всадническому сословию часто была фактически наследственной, поскольку обычно сыновья центурионов-всадников также включались в это сословие [1, S. 140, 144]. Таким образом, в III в. н. э. наблюдается и «милитаризация» римского всадничества.

Как отметил Г. Альфельди, чрезвычайное возрастание политического веса всадничества в период кризиса III века было не только следствием характерных качеств и амбициозности представителей этого сословия. Оно было связано с усложнившимися условиями внутри- и внешнеполитического развития империи и отвечало интересам и самого римского государства [1, S. 140].

Затяжной политический по своему характеру кризис, разразившийся в Римской империи в III в. н. э., в определенной степени усилил подозрительность некоторых

императоров по отношению к представителям сенаторского сословия. Видя в них потенциальных претендентов на императорский престол, эти правители в большей мере доверяли всадникам и способствовали возрастанию их роли в политической жизни государства.

В условиях сложной обстановки почти на всех границах империи даже просенатски настроенные императоры вынуждены были доверять командование войсками и управление пограничными провинциями не сенаторам, а всадникам, имевшим большой опыт руководства войсками и административной деятельности.

Управление пограничными провинциями, тесные контакты с армией, принадлежность к ближайшему окружению правящего императора — все это являлось предпосылками для того, чтобы представители всаднического сословия не только оказывали влияние на правителей империи, но и сами все чаще становились императорами.

Но возрастание роли всадничества в политической жизни Римской империи периода кризиса III века не было результатом целенаправленной борьбы представителей этого сословия с сенаторами или верхушкой армейских кругов; оно было связано с особенностями внутри- и внешнеполитического положения Римской империи в III в. н. э. Даже правители, которых принято считать «сенатскими» императорами, не попытались вернуть сенаторам те военные и гражданские должности, которые были переданы всадникам их предшественниками на императорском престоле. Сложность обстановки на границах империи и острые противоречия в римском обществе в условиях глубокого политического кризиса заставляла их ставить интересы империи выше интересов сенаторского сословия.

Однако при всем этом следует отметить, что усиление политического веса и престижа отдельных всадников не распространялось на все всадническое сословие. В этом плане вполне справедливым можно признать замечание Г. Альфельди о том, что социальные различия между заангажированными в политическом и военном отношениях и «рядовыми» всадниками в III в. н. э. были намного глубже, чем в предыдущие два столетия. Это привело к своего рода разделению всадничества на две части: в то время как одна, весьма немногочисленная, группа всадников превращалась в могущественнейший высший слой римского общества, основная их часть разделила участь сословия декурионов — они оставались привилегированным и относительно зажиточным слоем, но все более испытывали на себе давление со стороны государства [1, S. 141].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Alföldy G.* Römische Sozialgeschichte. 3., völlig überarbeitete Auflage. — Wiesbaden, 1984.
2. *Сепзеев И. П.* К вопросу об «антисенаторской политике» Септимия Севера // ВХУ. — 1983. — № 238.
3. *Besnière M.* L'Empire Romain de l'avènement des Sévères au concile de Nicée. — Paris, 1937.
4. *Jobne K.-P.* Kaiser, Senat und Ritterstand // Gesellschaft und Wirtschaft des Römischen Reiches im 3. Jahrhundert / Hrsg. von K.-P. Jobne. — Berlin: Akademie Verlag, 1993.
5. *Arnheim M. T. W.* The Senatorial Aristocracy in the Later Roman Empire. — Oxford, 1972.
6. *Howe L. L.* The Pretorian prefect from Commodus to Diocletian (A.D. 180–305). — Chicago; Illinois, 1942.
7. *Petit P.* Histoire générale de l'Empire Romain. — Paris, 1974.
8. *Smith R. E.* The Army Reforms of Septimius Severus // Historia (Wiesbaden). — 1972. — Bd. 21.
9. *Parker H. M. D.* A History of the Roman World from A. D. 138 to 337. — London, 1935.

10. *Loriot X.* Les premiers années de la grande crise du IIIe siècle: De l'avènement de Maximin le Thrace (235) à la mort de Gordien III (244)//ANRW. Prinzipat. 2. Bd. — Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1975.

Н. А. Алексеенко

Патер полиса Херсона и его роль в имперской администрации в Таврике

Вопрос об изучении городского устройства имеет одно из первостепенных значений для исследования любого византийского города, особенно подобного Херсону, имевшему глубокие корни античных, свободолюбивых традиций. Выросший из древнегреческого полиса и римского муниципия, в эпоху средневековья этот византийский центр, вне всякого сомнения, представлял собой особый тип поселения с присущим ему своеобразным социально-административным устройством, в котором так или иначе сочетались государственная власть и городской муниципалитет. По вопросам существования в Херсоне некоего института — муниципального самоуправления и его состава существует давняя дискуссия среди исследователей [1, с. 67–70; 2, с. 207–211; 3, с. 107–118; 4, с. 94–102; 5, с. 87–103; 6, с. 137–144; 7; 8, с. 155–170; 9, с. 161–167; 10, с. 455–500]. Долгое время упоминавшиеся в источниках «отцы города» и «первенствующие», управлявшие городским хозяйством, были представлены лишь единственной печатью протевона Михаила [11, с. 39–40, № 13]. Значительное пополнение корпуса херсонских печатей в последнее десятилетие, в основном за счет находки остатков городского или таможенного архива [12, р. 57; 13, р. 75–83; 14, с. 87–88], наконец-то принесло четкое археологическое подтверждение существования в Херсоне специфической формы муниципального управления, несмотря на то, что в Крыму к этому времени уже была создана фема. Печати местных представителей власти — патера полиса, эджика и протевонов, на наш взгляд, как нельзя лучше отражают специфику городских структур управления и их взаимоотношения с центральной администрацией.

В свое время И. В. Соколова отмечала, что «монеты Херсона (их выпуск — факт сам по себе замечательный) намекают на существование в начале X в., когда известны печати только фемных чиновников, некой муниципальной организации, которая, однако, не обнаруживает себя на моливдовулах» [2, с. 209]. На присутствие в византийском Херсоне, кроме имперской администрации, некоего городского института власти в этот период указывает обнаруженная в составе херсонского архива уникальная печать «патера полиса» Сергия [8, с. 164, 540, № 13, рис. 2.4], демонстрирующая, на наш взгляд, сохранение или возрождение в Таврике позднеримских институтов внутригородского управления (рис. 1).

Рис. 1. Печать «патера полиса» Сергия